

— А? — Сатору удивлённо округлил глаза, когда понял, что Хара действительно согласился занять пост главы клана. Он резко повернулся к брату. — Брат, ну и что в этом хорошего? Старик ещё вполне может коптить небо лет тридцать. Зачем тебе самому лезть в эту кабалу?

Подперев подбородок ладонью, Годжо Хара с мягкой улыбкой наблюдал за братом, который всё ещё держал трубку возле уха.

— Как именно вести дела, буду решать только я, — ровным, бархатистым голосом отозвался он. — Это всего лишь официальный статус. К тому же мы со дня на день закончим учёбу. С титулом главы мне будет куда проще распоряжаться всеми ресурсами семьи и привлекать их к нашим делам.

Хотя к этому моменту Хара уже фактически подчинил себе весь клан Годжо, формально он всё ещё оставался в тени. В глазах неосведомлённых чужаков право говорить от лица великого семейства по-прежнему принадлежало прежнему главе.

Раз уж Хара принял решение, Сатору не собирался перечить брату. Повернувшись обратно к телефону, он небрежно бросил в трубку, на другом конце которой от восторга едва не задыхался прежний глава клана:

— Ладно, так и быть. Раз брат согласился, свой день рождения мы отпразднуем в главном поместье.

Хара посмотрел на притихших в углу кабинета Гэто Сугуру и Иэири Сёко — те старались не шуметь, пока братья вели переговоры.

— Заглянете к нам в поместье на церемонию преемственности? — напрямую спросил Хара.

Как-никак, сейчас Годжо прочно удерживали статус сильнейшего среди трёх великих семейств. Смена власти в таком клане требовала масштабных, помпезных торжеств. Даже Хара с его искренним отвращением к вековой бюрократии признавал, что срезать углы здесь нельзя: прояви излишнюю скромность — и стервятники со стороны сразу же сочтут это за слабость.

Список гостей обещал быть внушительным. Приглашения планировали разослать всей верхушке Главного совета магов, оставшимся двум великим семействам, вассальным кланам и наиболее авторитетным магам-одиночкам.

Так что приглашение Гэто Сугуру — мага особого ранга — и Иэири Сёко, которая считалась бесценным достоянием всего магического сообщества, выглядело более чем весомо.

Даже нынешний глава клана на том конце провода притих, затаив дыхание в ожидании их ответа.

Сами одноклассники долго не раздумывали. Раз уж близнецы собирались праздновать день рождения в семейном гнезде, то прийти к ним в гости, поздравить и заодно поприсутствовать на официальной церемонии преемственности казалось делом вполне естественным.

Поэтому они без лишних колебаний согласно кивнули.

Заметив их реакцию, Хара коротко бросил в трубку:

— Подготовь для них официальные приглашения.

— Всё будет исполнено в лучшем виде, господин Хара! — радостно заверил его глава.

Раздались короткие гудки — воодушевлённый старик поспешил лично заняться заполнением открыток.

Сатору, у которого в руках всё ещё оставался телефон, озадаченно уставился на погасший экран.

— Этот старый хрыч только что серьёзно бросил трубку? Какая наглость!

Хара мягко забрал свой мобильный обратно. Вообще-то звонили ему, но Сатору, едва слышав мелодию, бесцеремонно выхватил трубку.

Вернув телефон, Хара тут же открыл переписку с Нанами Кэнто и Хайбарой Ю. Оба младшекласника недавно получили первый ранг и поддерживали с ними отличные отношения, так что оставлять их без приглашения было бы свинством.

Впрочем, для магов без клановой принадлежности визит на подобное мероприятие означал автоматическое признание их сторонниками фракции Годжо.

Но поскольку Нанами и Хайбара со школьной скамьи ходили в любимчиках у грозных близнецов, консервативная общественность давно и прочно записала их в этот лагерь.

Хара не обращал на эти условности никакого внимания и позвал ребят напрямую.

Позови он их исключительно на пафосный политический приём, Нанами и Хайбара вполне могли бы вежливо отказаться. Парни из простых семей справедливо предпочитали держаться подальше от змеиных гнёзд великих кланов. Однако статус неофициального дня рождения близнецов развеял все сомнения — оба ответили согласием.

Как только согласие было получено, Хара отправил имена главе клана, и старик с радостным

кряхтением принялся выводить ещё два пригласительных билета.

Седьмого декабря все мало-мальски значимые фигуры магического мира съехались в главное поместье клана Годжо, чтобы засвидетельствовать почтение новому главе.

Годжо Хакобу, уступающий сегодня своё кресло, буквально сиял от счастья, лично приветствуя прибывающих гостей. В то же время Сатору, который по всем канонам приличия должен был стоять рядом с ним у ворот, преспокойно разгуливал по поместью в белоснежном кимоно. Он вальяжно водил приехавших друзей вокруг сухого сада, лениво комментируя вековые виды.

— Да тоска смертная, если честно, смотреть тут не на что, — протянул Сатору. Этот унылый пейзаж из песка и камней, мозоливший ему глаза с самого детства, вызывал у него лишь глухое раздражение.

Сёко смерила его оценивающим взглядом. В чистейшем белом шелке и с изящным складным веером в руках Сатору действительно выглядел как истинный благородный наследник.

— Надо же, Сатору, а в традиционной одежде ты кажешься почти приличным человеком, — удивлённо хмыкнула она. По крайней мере, его привычная кошачья дурь сейчас немного утихла.

Сатору самодовольно вскинул бровь:

— Да я в любом прикиде чертовски хорош, уясни уже! Красоту ничем не испортишь!

Хайбара с любопытством заозирался по сторонам:

— А где господин Хара?

— Мой несчастный старший братец сейчас заперт со старейшинами, — со вздохом протянул Сатору. — Навешивают на него все эти ритуальные побрякушки.

Ближе к назначенному часу Сатору повёл друзей в главный зал, чтобы помочь им устроиться.

Впрочем, статус Божественного Дитя с Шестью Глазами и родного брата нового главы обязывал Сатору занять место во главе стола, в самом центре праздничного зала. Направив Сугуру и остальных на гостевую трибуну, он чинно зашагал к своей подушке для сидения.

Сегодня праздновали триумф его брата. И как бы Сатору ни воротило от замшелых церемоний и душных правил, ради Хары он наступил на горло собственной песне — затих и чинно опустился на колени на отведённом ему почётном месте.

Когда в зале наконец появился Годжо Хара, облачённый в церемониальное чёрное кимоно с фамильными гербами, шёпот гостей мгновенно оборвался. Воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

Хара двигался по красной ковровой дорожке плавно и размеренно, его лицо казалось высеченной из мрамора маской. Холодная, властная аура окутывала его фигуру плотным облаком, заставляя присутствующих невольно склонять головы. Но стоило ему поймать взгляд притихшего Сатору, как вековой лёд в синеве его глаз мгновенно растаял, сменившись едва заметной, предназначенной только для брата тёплой усмешкой.

Впрочем, никто из собравшихся не смел поднять глаз и прямо смотреть на нового главу, а потому эту мимолётную ласку во взгляде мало кто заметил.

На почетных местах для гостей сидели бок о бок Дзэннин Наобито и глава клана Камо. Их взгляды, прикованные к медленно идущему Харе, были тяжелы, а на лицах лежала тень глубокой тревоги.

За последнее десятилетие влияние клана Годжо выросло до пугающих масштабов. И дело было вовсе не в одном лишь появлении двух «сильнейших» с Шестью Глазами. Коммерческая империя Концерна Годжо в мире обычных людей и позиции семьи на политической арене шаманов крепили и расширялись день ото дня.

Незаметно для конкурентов Годжо практически подмяли под себя Главный совет магов, забрав себе решающее слово по большинству вопросов.

И Дзэннин, и Камо слишком поздно сообразили, что за этими тектоническими сдвигами стоял вовсе не дряхлеющий Годжо Хакобу. Ниточки незримо дёргал Хара — он безупречно отыгрывал роль высокомерного, затворнического божества с Шестью Глазами, усыпляя бдительность врагов и оставаясь вне любых подозрений.

Кому вообще могло прийти в голову, что юноша с глазами бога, якобы совершенно не приспособленный к земной суете, на самом деле окажется расчетливым, хитрым и изворотливым лисом?

Его брат Сатору в этом плане служил идеальной ширмой. Вечно разглагольствующий о собственном абсолютном превосходстве, высокомерный, невыносимо язвительный паршивец, плюющий на любые авторитеты и правила приличия. Глядя на это взбалмошное создание, все вокруг укрепились в мысли: Шесть Глаз — это просто капризные божества, слепо верящие, что грубая сила решает любые проблемы, и презирающие скучные интриги смертных.

Общество решило, что Хара, будучи его близнецом, слеплен из того же теста. Ну, разве что манеры у него были поприятнее, а характер — потише. Но в основе всё равно лежали те же гордыня и слепая вера в собственное величие.

Особенно жестоко просчитался клан Дзэньин. Избалованный Наоя годами лелеял детскую обиду за то, что Хара при знакомстве даже не удосужился запомнить его имя. Старый Наобито, глядя на это, тоже счёл Хару обычной высокомерной выскочкой, не замечающей никого вокруг.

И лишь теперь, когда Годжо официально объявили о передаче власти, а молодой господин открыто шагнул на авансцену, до старейшин дошло: этот мальчишка уже давным-давно прибрал весь клан к рукам!

Каждый шаг, каждое успешное решение клана за эти годы были лишь ходами на его шахматной доске.

Опасен враг, наделённый огромной силой, но стократ страшнее тот, у кого к этой силе прилагается холодный, расчетливый ум.

Наобито с досадой опрокинул в себя очередную пиалу сакэ. Напиток у Годжо, надо признать, был отменный. Жаль только, варили его конкуренты.

Когда же в его собственном клане наконец появится достойный преемник с Техникой Десяти Теней?

Пусть даже это дитя родится прямо сейчас, пусть разница в возрасте с окрепшими близнецами будет колоссальной — это всё равно шанс. Главное — выстоять, пока эти двое не сойдут в могилу, а уж тогда Дзэньины возьмут своё.

Глава клана Камо топил тоску в вине с не меньшим усердием. У него в семье уже подрастал преемник с Манипуляцией Кровью. Мальчик родился от побочной ветви, но узаконить его и объявить законным наследником не составляло труда. Проблема крылась в другом: разница в возрасте с монструозными близнецами была слишком велика. Да и Манипуляция Кровью, если говорить начистоту, по своему потенциалу уступала Безграничности в связке с Шестью Глазами и легендарной Технике Десяти Теней.

Лишь благодаря универсальности и стабильной передаче по наследству эта техника веками позволяла Камо стоять на равных с редчайшими феноменами вроде Шести Глаз или Десяти Теней.

Но в нынешнюю эпоху Годжо умудрились явить миру сразу двух обладателей Шести Глаз, начисто раздавив конкурентов и прочно закрепившись на вершине триумvirата.

Прежде Дзэньин и Камо пытались держать оборону единым фронтом. Но теперь, когда у Камо появился преемник с Манипуляцией Кровью, а Дзэньины так и не дождались рождения обладателя Десяти Теней, их хрупкий оборонительный альянс затрещал по швам.

Остальные гости — представители мелких кланов и независимые шаманы, — созерцая это запредельное великолепие, всерьёз задумались о том, чью сторону им занять в будущем.

Пытаться сохранить нейтралитет в мире магов могли позволить себе лишь единицы, обладающие поистине колоссальной личной силой. В реалиях же, когда даже первый ранг считался редкостью, большинству приходилось сбиваться в стаи или искать покровительства у сильного вожака.

И три великих семейства традиционно казались шаманам надёжным щитом от любых невзгод.

Конечно, оставался ещё Главный совет магов, но тамошние внутренние дразги и грызня за власть делали любые союзы слишком зыбкими. Твой вчерашний благодетель мог в любой момент лишиться головы из-за банальных интриг коллег, утянув тебя за собой на дно.

Влиятельные чиновники в Совете приходили и уходили, а великие кланы оставались незаблемыми столпами. И если уж искать покровительства у великих домов, то Годжо, как бесспорно сильнейшие, виделись идеальным выбором.

Тем более что после реформ, тайно проведённых Харой, отношение к наёмникам у Годжо изменилось кардинально. Любой одарённый и верный сторонник мог рассчитывать на щедрые выплаты и уважение, порой превосходящие привилегии коренных членов клана.

На фоне Дзэньинов и Камо, привыкших использовать пришлых магов исключительно как расходный материал и пушечное мясо, условия у Годжо выглядели просто невероятно заманчиво.

И сегодня, заворожённо наблюдая за величественной церемонией вступления в должность нового лидера — юного божества с Шестью Глазами, — последние колеблющиеся окончательно определились со своим будущим хозяином.

Хара с неизменным ледяным спокойствием выдержал всю церемонию до последнего поклона. Он вздохнул с огромным облегчением лишь тогда, когда бесконечный официальный приём наконец завершился, уступив место долгожданному вечернему празднованию их с братом дня рождения.

По категорическому требованию близнецов торжество разбили на две части. Дневная половина предназначалась для посторонних гостей и служила лишь ширмой для светского общения, где именинникам достаточно было просто пару раз показаться на публике.

Настоящим же праздником для них стала вечерняя закрытая встреча. На неё пригласили только одноклассников и близких друзей, в кругу которых можно было отбросить опостылевший этикет, расслабиться и повеселиться от души.

Едва стрелки часов приблизились к назначенному времени, близнецы без лишних слов скинули с себя церемониальные шелка и переоделись в привычные вещи. Хара, промучившийся весь день в тяжеленном парадном одеянии, с наслаждением расправил плечи.

— Наконец-то, — с облегчением выдохнул он. — Думал, под вечер позвоночник осыплется в штаны.

В детстве традиционные наряды не казались ему пыткой, но за годы свободы в Токийском колледже он успел отвыкнуть от подобной роскоши. Облачиться после долгого перерыва в самый помпезный парадный доспех и несколько часов кряду высиживать перед сотней высокопоставленных гостей с каменным лицом оказалось тем ещё испытанием.

Сатору подошёл ближе и лениво поправил воротник на рубашке брата.

— Я же говорил тебе, что власть — это сплошная головная боль, — фыркнул он. — Зачем ты только повёлся на уговоры старого хрыча?

— Скоро выпуск, — негромко отозвался Хара. — Сатору, ты уже думал, чем займёшься после колледжа?

Обучение длилось четыре года, и сейчас, в декабре, их выпускной класс вышел на финишную прямую. Уже в марте они должны были официально покинуть стены школы.

Впереди их ждала взрослая жизнь, и каждому предстояло выбрать собственный путь.

Для Хары, чья жизнь всегда крутилась вокруг благополучия Сатору, этот вопрос имел первостепенное значение.

Сатору на мгновение растерялся. Он никогда всерьёз не задумывался о будущем. Жизнь его всегда текла гладко, без преград и потрясений, а любые блага мира сами падали к его ногам. Полное отсутствие трудностей породило в нём абсолютное равнодушие к долгосрочному планированию.

Он озадаченно почесал затылок и неуверенно протянул:

— Ну... буду работать шаманом? Мы ведь сильнейшие, так что разборки с проклятиями особого ранга всё равно на нас. К тому же ты теперь по уши увязнешь в делах клана, так что полевую работу я могу взять на себя. Буду зачищать территорию, чтобы тебе не приходилось отвлекаться на всякий сброд.

Сатору действительно хотел быть полезным, но от одной мысли о бумажной волоките его бросало в дрожь. Взять на себя все боевые миссии, оставив брату тишину кабинета — идеальный компромисс.

Хара лишь снисходительно улыбнулся на эту бесхитростную логику.

В конце концов, жить без великой мечты — не такой уж большой грех. Если твоя реальность лишена боли и невзгод, если каждый твой день наполнен покоем и радостью, тебе незачем грезить о переменах. Достаточно просто наслаждаться моментом.

Сатору повернулся к подошедшей компании:

— Ну а вы? Каковы ваши планы на взрослую жизнь?

— Я сразу после выпуска пойду на службу в Главный совет, — без малейших колебаний ответил Гэто Сугуру. Имея статус мага особого ранга, даже простой выходец из народа мог рассчитывать на хорошую должность и реальную власть. Он не забыл о своей главной цели — переписать прогнившие правила магического мира с самых верхов.

Сатору вытаращил глаза:

— Сугуру, ты серьёзно собрался протирать штаны в кабинетах вместе с этими гнилыми мандаринами? — он одарил друга таким сочувственным взглядом, словно того досрочно приговорили к каторге.

У Сугуру заметно дёрнулся уголок губ. Он и сам прекрасно понимал, какой ад его ждёт, но шёл на этот шаг ради великого дела. Мог бы Сатору и не смотреть на него с таким выражением лица, будто его заставляют жрать эти самые гнилые мандарины!

— Сёко, а ты куда подашься? — поспешил сменить тему Сугуру.

— Останусь в колледже на должности штатного медика, — лениво затянувшись, ответила Сёко. — Заодно попробую сдать экзамен на обычную врачебную лицензию. Возраст у меня, конечно, неподходящий, но ради такого дела шаманы легко прогнут систему. Пара подписей задним числом — и меня допустят, а уж сдать я и сама смогу.

Она была действительно бесценным кадром. На всём белом свете лишь она и Хара обладали редчайшим даром исцелять чужие раны с помощью Обратной проклятой техники.

Но если привлекать Хару к постоянному лечению раненых никто бы не осмелился из-за его высокого положения, то Сёко приходилось трудиться не покладая рук.

Даже её маленькая хитрость — показательно препарировать симулянтов, пытавшихся пролезть без очереди по блату с парой царапин, — помогла лишь отчасти. Работа шаманов была слишком опасной, и поток действительно тяжёлых, балансирующих на грани жизни и смерти пациентов никогда не иссякал.

Оставить людей умирать на её глазах не позволяла врачебная совесть, а потому девушке оставалось лишь смириться со своей участью вечного дежурного врача в стенах Токийского колледжа.

— Отлично! Значит, мы по-прежнему будем видеться каждый день, — оживился Хайбара. — Мы с Нанами тоже решили остаться при школе. Будем растить новое поколение шаманов!

— Поправка, — с каменным лицом отозвался Нанами. — Я лишь пообещал рассмотреть этот вариант. Никаких бумаг я ещё не подписывал.

Хайбара со смехом приобнял друга за плечи:

— Да ладно тебе, Нанами! Вместе же веселее! Будем учить мелкотню всему, что умеем сами!

Нанами перевёл взгляд на сияющее, как весеннее солнце, лицо товарища, тяжело вздохнул и сдался:

— Ладно.

«Быть шаманом — сущая пытка, — подумал он. — Но если рядом будут проверенные друзья, это дерьмо хотя бы можно будет как-то терпеть»

Сугуру разочарованно покачал головой. Он-то надеялся перетянуть толковых младших товарищей к себе в Главный совет, чтобы сколотить крепкую команду для будущей революции.

Нанами и Хайбара выросли в семьях обычных людей, а потому по умолчанию разделяли его взгляды на несправедливость клановой системы. Они могли бы стать отличной опорой для его реформ. Но раз уж парни приняли решение, настаивать он не стал.

— Идзити, а ты что думаешь? — Хайбара с теплотой посмотрел на жавшегося у стены младшекласника.

Лишённый врождённой техники и обделённый запасом энергии Идзити Киётака по природе своей был пуглив и замкнут. Нанами и Хайбара частенько брали его под своё крыло, из-за чего эта робкая фигура волей-неволей примелькалась и старшекурсникам.

Хара со своим вечным прагматизмом попросту игнорировал слабого паренька. Сатору, напротив, нашёл в нём идеальную мишень для глупых шуток и подначек. Сугуру изредка подавал голос в его защиту, но куда чаще с тихим злорадством подливал масла в огонь.

Оказавшись в одном помещении с этой троицей, Идзити всякий раз бледнел и застывал на месте, словно перед ним разверзлась бездна, полная голодных чудовищ.

Даже сейчас он понимал, что приглашение получил исключительно из вежливости — Хайбара наверняка просто упомянул его имя в разговоре. Поэтому весь вечер парень старался мимикрировать под элементы интерьера, послушной тенью следуя за своим заступником.

Застигнутый врасплох вопросом, Идзити, которому предстояло грызть гранит науки ещё целых два года, испуганно забормотал:

— Я... я пока не уверен. Рано ещё загадывать.

Сатору бросил на него ленивый взгляд, легко считав ничтожный уровень его сил.

— А по-моему, твой потолок — это бумажки перекладывать, — бесцеремонно бросил он. — С твоим резервом лезть в драку — это верный способ быстро и глупо сдохнуть. Шёл бы ты во вспомогательные управляющие, целее будешь.

В этих словах, увы, крылась суровая правда. Из-за отсутствия техники Киётаке давали лишь задания самого низкого ранга, где он обычно выступал на побегушках у Нанами или Хайбары.

Но даже зная цену своим способностям, он не мог не восхищаться силой старших товарищей. Они были его кумирами, живыми легендами, на которых так хотелось походить.

Услышать столь безжалостную правду прямо в лицо от самого Сатору было невыносимо больно. Киётака мгновенно покраснел до корней волос и замер, уставившись в пол и судорожно хватая ртом воздух.

Хара мягко улыбнулся, решив немного сгладить углы.

— Идзити, не обижайся на него. Сатору по-своему заботится о тебе. Ты ведь наш младший товарищ, и если с тобой что-то случится, нам всем будет тяжело. На административной должности ты будешь в безопасности. К тому же работа вспомогательных управляющих ничуть не менее важна для общего блага.

Его тон, безусловно, звучал мягче братского, но суть вердикта от этого не изменилась.

Киётака лишь беззвучно шевельнул губами.

— О, идея! — Сатору просиял и ободряюще хлопнул парня по плечу. — Мой личный вспомогательный управляющий как раз пошёл на повышение. Переходи ко мне! Даю слово, под моим присмотром тебя ни одна тварь не тронет.

Прежний вспомогательный управляющий Сатору, Ямасита Рин, благодаря своей исключительной исполнительности быстро продвинулся по службе и теперь заседал в

руководстве департамента. В его обязанности входила общая координация работы штаба, так что от полевой рутины его освободили.

Для Хары этот транзит власти стал отличным шансом прибрать к рукам всю административную сеть Главного совета, так что он лично приложил руку к стремительному взлёту Ямаситы по карьерной лестнице.

Изначально он планировал подыскать Сатору замену среди преданных людей из побочных ветвей клана Годжо, но внезапная инициатива брата взять под опеку Киётаку заставила его передумать.

Раз уж Сатору сам изъявил желание, перечить ему Хара не собирался. Он лишь веско добавил, закрепляя сделку:

— Идзити, твой предшественник Ямасита задал отличный стандарт. Поверь, работая вспомогательным управляющим Сатору, ты гарантированно обеспечишь себе блестящее будущее в штабе.

Идзити растерянно моргал.

«Подождите... Я ведь ещё даже не согласился сменить специальность! Меня уже распределили, назначили преемником и расписали жизнь на годы вперёд? И господин Ямасита теперь официально мой предшественник? До чего же эти двое невыносимо авторитарны!»

Разумеется, заявить об этом вслух он не посмел. Идзити лишь покорно склонил голову и пробормотал:

— Хорошо... В таком случае буду рад работать под вашим началом, господин Сатору.

Впрочем, сильного протеста он не испытывал. Слова близнецов, как ни крути, отражали суровую реальность. На боевых заданиях он бы долго не протянул — куратор курса уже давно намекал ему на перевод в административный отдел.

И пусть характер у Сатору оставлял желать лучшего — тот обожал дурацкие шутки и вечно испытывал его нервы на прочность, — но безопасность рядом с ним была абсолютной.

В конце концов, смертность среди обслуживающего персонала была несильно ниже, чем у боевых групп. Твари нередко прорывали периметр Завесы и первым делом пускали на фарш безоружных вспомогательных управляющих, дежуривших снаружи.

Рядом же с Сатору подобный исход исключался на корню. Сильнейший шаман эпохи просто физически не мог проиграть бой, а значит, и прорывов монстров сквозь барьер можно было не

опасаться.

Да и пример Ямаситы наглядно доказывал: Сатору не из тех, кто вставляет палки в колёса усердным подчинённым. Сердце Киётаки затрепетало от робкой надежды на светлое будущее.

Остальные присутствующие молча наблюдали за этой сценой, разыгранной близнецами как по нотам. Никто не стал вмешиваться — все понимали, что для Идзити это действительно самый безопасный и перспективный путь.

Единственным минусом во всей этой затее оставалась лишь необходимость ежедневно терпеть невыносимые капризы этого несносного белого кота.

<http://bllate.org/book/19549/2004348>